

когда он заснул, явились два беса: «один наг, а другой в кафтане». Автор предусмотрительно схватил «беса нагово» и тут же ощутил в своих руках, «яко мясище некое бесовское». Не заметив далее, как «бес из рук... исчезнул», автор просыпается и обнаруживает как бы вещественное доказательство, подтверждающее реальность видения: «руце мои от мясища бесовского мокры» (235). Если бы схвачен был бес «в кафтане», такая реализация видения оказалась бы немотивированной.

По типу своему подобный способ материализации видений при помощи перенесения некоторых конкретно осязаемых следов пережитого из сна в реальность встречается в житийной традиции. Когда к составителю жития Евфросина Псковского явился ангел во сне, «возрев яростно», тот от страха «начаш рыдати», а потом «возбнувшу» и «обретох возглавицу мою слезами помочену».³³ Мартирий Зеленецкий видел во сне «столп огнен» и от него образ богородицы «теплоты исполнен»; «возбнух же от сна... осязав лице свое, и также ощути е теплоты исполнено».³⁴ Однако особенность подобного приема у Епифания состоит именно в постоянных наблюдениях за собственными руками.

Истоки этого способа автобиографической материализации видений лежали в самой действительности. Будучи опытным мастером «рукоделия» — столяром, художником и переплетчиком, Епифаний привык действовать руками и обращать внимание на эти действия при описании реальных ситуаций: «взем топор в руки» (243), «приступая ко кресту... возму его рукою» (260), «Аз же грешный превращая в руках моих древо кедровое и кляпичек, и долотечко» (258). Точно так же автор и в видении начал «руками... превращати» отрезанный язык, перенося в область описаний потусторонних явлений именно те действия, которые были ему более всего свойственны и привычны в жизни.

Биографические обстоятельства еще более обострили внимание автора к «рукоделию» и к своим рукам. Епифанию отсекают пальцы на правой руке в то время, когда его мастерство стало одним из средств для продолжения идейной борьбы (отправка в Москву сделанных им крестов со спрятанными в них рукописями Аввакума и самого Епифания, сделанный им с той же целью ящичек в бердыше стрельца). Епифаний ни разу не упоминает об официальном назначении этой казни («за крест руки сетчи»),³⁵ отнявшей у него возможность креститься по-старому. Он горюет только по утраченной любимой работе: «нелзя мне ныне крестов делать... рука болна сечена, отошло ныне от мене рукоделие то» (257). После исцеления он прежде всего опять вспоминает о своем любимом труде: «рука моя исцеле от ран, и делаю ныне всякое рукоделие попрежнему» (250). «Рукоделие» автора рисуется ему как занятие, имеющее символическое значение. Изготавливая кресты в течение почти тридцати лет, он «ни которою снастию ни руки, ни ноги, ни посек, ни прорезал... А егда делаю ведерка или ящички или ино что, тогда много рук и ног сек и резал» (261).

Таким образом, этими способами Епифаний сделал из описаний действий своих рук и «во сне» наиболее убедительное, как, очевидно, ему казалось, средство ознакомления с потусторонним миром в его осязательной реальности.

Такое же назначение имеет у Епифания и другой прием автобиографической материализации чудес и видений, который заключается в изображении своих воображаемых взаимоотношений с потусторонними силами на фоне тщательно зафиксированных подробностей реальной обстановки.

³³ Там же, стр. 106.

³⁴ Повесть о Мартирие..., стр. 59.

³⁵ РИБ, т. XXXIX, стлб. 714.